

О ЛЮБВИ

В поэзии Константина Васильева можно выделить: любовную лирику, пейзажную, философскую, стихи о поэтах, мятежные стихи и т.д. (*терминология К.В.*)
Мы даём подборку стихов под условным названием: «О любви».

Любил и ждал, и грезил наяву,
и замок строил радостно воздушный...
К твоим ногам упал бы я послушный,
покорный лев, - чего стыдиться льву?

Нельзя ж не покориться божеству!
Но ты лишь посмотрела равнодушно...
И письма рву, мне ничего не нужно.
Всё кончено, ну что ж, переживу.

Так мне и надо, что сходить с ума?
Всё к лучшему, всё как нельзя прекрасно.

Но почему же ты меня сама
теперь зовёшь и пишешь «я несчастна»?
Не напишу ответного письма,
и горю твоему я рад ужасно.

В душе такая тьма, что вижу ясно,
Как долго мне ещё - любить, страдать,
и собственные чувства презирать.

* * *

В тиши любовь и ненависть враги
между собою, ибо далеки.

А в бурю - это верные друзья,
как в тяжкий год холопы и князя.

И в самоотречении вперед
любовь – слуга хозяина ведёт.

И ненависть, оставив свою власть,
ему в дороге не даёт упасть.

Слияние двух сил в один кулак,
рождает третью – опасайся враг!

* * *

Цветок красив, но может яд таить
в себе тому, к нему кто прикоснётся.

И ты меня не можешь не убить.
Тянусь, хоть знаю, скоро мир сомкнётся.

И пусть конец маячит предо мной,
я не хочу, чтобы иначе было.
Пусть смерть и не проходит стороной.
Лишь знать бы: это ты меня убила.

* * *

Провалы памяти... Куда
уходит то, что явью было?

Куда уходит та мечта,
которая меня взрастила?

Куда уходят те стихи,
которые не написались?
И мы с тобой – чисты, тихи –
когда и где, и как расстались?

А впереди, а впереди –
ещё одна волна забвенья.
А здесь – весёлые дрозды, -
Кому – певцы, кому мишени.

И чьё-то чуткое ружьё
нацелено неумолимо
в лицо весёлое моё...
И – выстрел... Неужели – мимо?

* * *

Кому какое дело,
что жив ещё Амур,
что ты меня узрела
в кругу продажных шкур?

Кому какое дело,
что душу я свою,
хотя она сгорела,
за деньги продаю.

Кому какое дело,
что сыновьям вельмож
ты трепетное тело
за деньги продаёшь?

Кому какое дело,
что в сотый раз народ,
великий и замшелый,
свободу продаёт.

Кому какое дело,
что мы в долгу кругом,
а всё же неумело
державу продаём?

Кому какое дело,
что ты ко мне пришла,
В глаза мне посмотрела
и за руку взяла?

* * *

Под соснами – матовый снег,
и мох малахитовый – мягок.
Грибов-то пока ещё нет,
зато изобилие ягод.

Они облепили кусты...
Ирга. Бузина. Голубика.
Вовсю веселятся дрозды,
и глохнешь от птичьего крика!

А рядом – внезапно – «Ау»!
Но это не мне, а кому-то...
И падаю с ходу в траву,
на час? Или лишь на минуту?

Светло...Так откуда ж тоска?
Чего же мне здесь не хватает?
Вот пенье лесного конька, -
вот – зяблик в кустах распевает,

вот – в кронах ворона кричит,
вот дятел – добряк барабанит,
Вот иволги флейта звучит,
а вот и кукушка шаманит.

Вот резко мяукнул канюк,
испуганно взвизгнула сойка...
Всё так, как и прежде, вокруг,
И всё-таки...всё-таки горько.

Нет спора. Хорош ералаш.
Нет слов – тишина раскололась.
Но всё же я слышал, когда ж, -
единственный горлинки голос?

27.7.82.

* * *

Кого перебивают: «Не кощунствуй!»,
того, кто лицемерить не привык.
Я ставлю высоко свободный ум свой
и длинный – длинный - длинный свой язык.

Я даже и тебе не смог в угоду
неискреннее слово произнести.
Как должное – прими мою свободу, -
Ведь в ней я весь! Какой уж я ни есть.

А я б давно смирил свою гордыню, -
Когда бы ты сказала мне: «Живи
по – своему. Живи, как жил доньине...»
Но праведность твоя сильнее любви.

* * *

Гордиться, право, нечем,
да я и не горжусь:
любовью старой мечен –
для новой не гожусь.

Поэтому бесцельно
уже не трачу сил.
Влюблённым был смертельно...
Но выжил – разлюбил.

* * *

Я забыл любовь свою былую.
Боль свою былую – я забыл.
Но ещё на свете – существую,
и талант свой в землю – не зарыл.

Я ещё могу расправить плечи,
и ещё могу смеяться – ведь
я иду иной любви навстречу,
чтоб её познать – и умереть.

29.5.83.

* * *

Напрасны твои ожидания,
не властны слова надо мною.
Опасны свиданья, признанья...
Любви избегаю давно я.

Мне жаль, что такое случилось.
Печаль твоя невыносима,
исчезни же, как появилась.
Но помни: тебе не приснилось,
что мною была ты любима.

31.1. 2000.

* * *

На улицах полным – полно народа.
Среди людей – и мучиться и жить.

А я ищу мятежную свободу,
которую не волен ощутить.

Хоть даже моря скованные воды
не в силах дать простора кораблю,
я признаю одну лишь несвободу –
от женщины, которую люблю.

* * *

Косноязычьем награди меня
нещедрый Бог, чтобы не петь о ней, -
а то опять я на исходе дня

начну звенеть – над розой соловей
Так не смолкает – кругом голова...
Идут по кругу круглые слова.

И песнь моя стара, стара как мир,
который не выносит новизны...
Слова, давно затёртые до дыр,
звучащие на грани тишины,
любви безумной музыкальный бред,
в котором ни крупинцы правды нет.

Но я не лгу и не могу не петь, -
за что же это наказание мне...
Пусть на ухо наступит мне медведь!
Пусть камни будут звать меня одне!
Тогда – косноязычен, глух – в тиши
скажу я то, что ново для души.

* * *

Лилии, птицы небесные,
зеркало синей воды, -
и предназначенный песне, я
с миром и с песней на «ты».

Я полюбил эту лилию –
или я буду не я.
Каждая песня – про милую,
каждая песня – моя.

Звёзды горят бессловесные
и на земле тишина –
что же: исчезну-ка в песне я,
чтоб не исчезла она!

* * *

Ложится тень на свет дневной,
укрыв траву, укрыв цветы.
Я наслаждался красотой,
и вдруг – не вижу красоты.

Она сменилась темнотой,
но я не вижу темноты.
Я говорю с самим собой,
но говоришь со мною – ты.

Ты вьёшься синим огоньком
в моей душевной темноте,
и я, в себя взглянув тайком,
опять твержу о красоте,
и тает где-то за углом
обида с мезью на хвосте.

* * *

Как неглубокий сон проходит постепенно
и это лето – цепь приевшихся примет.
Листва и соловьи, и розовая пена
цветов, и для кого спешу собрать букет?

Мне это не к лицу весёлое занятие,
и девушка одна,...увы, исключено:
не смотрятся цветы на светлом фоне платья,
на фоне осени не смотрится оно.

А осень – вот она! В любой примете лета
содержатся её холодные черты...
Давно забытый сон – простое платье это,
и скромные цветы, и дерзкие мечты!

И сыплется листва, и это мне не снится,
и дождь идёт с утра, и бедная земля,
и холодно, и мне – на что теперь синица,
когда ни одного над миром журавля?

Поглубже зачерпнуть, забыться в самом деле,
и прошлое вернуть, и жизнь переиграть...
Уже подать рукой, - о, Господи, во сне ли...
И первые цветы, и нечего терять.

* * *

Грустить не надо.
В полной тишине,
в предзимней тишине ночного сада
ты скажешь мне, ты тихо скажешь мне:
- Грустить не надо.

При матовой заоблачной луне
скрестятся наши взгляды.
Ты тихо скажешь в полной тишине,
ты тихо скажешь мне:
- Грустить не надо.

Не надо помнить о былой весне,
и помнить соловьиные рулады.
Неважно, наяву или во сне
случилось это: ты сказала мне,
что ни о чём грустить не надо.

26.01.2001.

* * *

У стен есть уши – но не здесь,
не в бедной комнате моей.
Что хочешь, можешь произнести,
хотя молчать – всего верней.
Пусть же длится тишина,
не говори, что ты верна.

Меня ни ревность не грызёт,
ни неизвестность не томит.
Имеет уши только тот,
кто ничего не говорит.
И я молчу, ведь мой язык
от лишних слов давно отвык.

Я слышу в нашей тишине
непоправимые слова –
ты их не говорила мне.
Молчи и дальше. Ты права.
И я, должно быть, тоже прав,
тебе ни слова не сказав.

Чужих ушей у этих стен
пускай и не было и нет;
не надо слов, не надо сцен.
В немом вопросе и ответ,
и благодарность, и укор...
Какой хороший разговор!

15.12.99.

* * *

Люди смотрят вдаль всё
и таят печаль.
Ладно, не печалься,
вглядываясь в даль.

Никакого риска
нам не избежать.
Даже то, что близко –
вдалеке опять.

Лунная поляна,
сонные кусты.
Вышла из тумана
ты или не ты?

Страшно ошибиться
снова, как всегда.
Вскрикивает птица
и журчит вода.

Но простое слово
трудно произнести.
Ты уходишь снова,
оставаясь здесь.

Что ты? Посмотри же,
повтори же «да» -
мы не будем ближе
больше никогда.

25.01.01.

* * *

Не миновать единственной утраты –
утраты самого себя в тебе.
Со мною снова ходишь до утра ты,
ещё мы по одной идём тропе,
идём – и пропадает за плечами
То самое, чем живы мы ещё...
То самое, что было между нами, -
но мы с тобой идём – к плечу плечо.
И между нами нету расстоянья,
и между нами нету ничего! –
...Я слышу до сих пор твоё дыхание,
но ты давно не слышишь моего.

13.09.83.

* * *

Две хубави очи – Душата на дете...
Яворов

Год Семьдесят Шестой...
Год взлёта. Год паденья.
Год високосный мой...
Маячит в отдаленье,
горит в моей груди!
Ведёт меня к победам,
сияет впереди,
идёт за мною следом!

Год Семьдесят Шестой,
год високосный мой, -
ты жизни не короче!
Любимых глаз лучи...
горят и днём и ночью.

17.10.83.

* * *

Август вновь наступает –
месяц мой дорогой.
Вновь душа забывает,
что такое покой.

Всё давно – не впервые,
но привыкнуть нельзя.
Эти звёзды ночные!
Это солнце – в глаза!

Эти воспоминанья!
...Все давно позади.

Что сказать на прощанье?

Невиновен. Прости.

Будет. Всё ещё будет.

С кем-то. Где-то. Сейчас.

...Как грядущее – судит
незаметно для нас.

Нас былое – прощает,

нас былое - зовёт.

...Август дверь раскрывает.

Август снова плывёт.

1.08.83.

* * *

Листва шумит над головою,

и птичьи крылья.

А я забыл о чём с тобой

мы говорили.

Да – ты со мною здесь прошла

по роще голой.

И знаю я, что ты была

тогда весёлой.

Напрасно был осенний день

и хмур, и грозен –

от нас сама бежала в тень

ворчунья – осень.

И было всё вокруг – светло

и славно было.

О том весёлом, что прошло –

ты говорила.

6.11.83.

* * *

Любовь не заявляет о себе

ни резким жестом, ни полупнамёком...

Кто говорит о ней высоким слогом

наедине с собою – и в толпе?

Лишь иногда – когда ты погружён

в безмолвие – слова приходят сами,

слова любви. Не захлебнись словами!

Молчишь? – тогда действительно влюблён.

10.11.83.

* * *

Оставь надежды все – она уйдёт.

Она уйдёт – она ушла давно бы,

но караулишь около ворот...
Пусти её. Оставь, не зная злобы.

Но не забудь. Страдая, что есть сил,
и словно бы в ладонь вгоняя гвозди,
ты будешь знать, что ты её простил,
что ей тебя прощать не надо вовсе.

* * *

Я тебя обхожу стороной,
ты обходишь меня стороною –
я опять повстречался с тобой!
Ты опять повстречалась со мною!

Уступаю дорогу тебе,
и сильнее, чем прежде, сутулюсь.
...Ни тебя, ни меня на тропе –
на которую мы оглянулись.

* * *

Закат.

Далёких лёгких крыш
то ль золото, то ль медь...
Такая тишь...
Лишь чёрный стриж
летит,
свистит, как плеть.

И лег поденок над водой,
и хмурая вода,
и в небе – месяц молодой,
и выше – провода,

и горлицы на проводах,
и за рекою – рожь...
И мы на разных берегах,
и речка, словно нож...

* * *

Что значит для меня Болгария? –
твои глаза бездонно-карие,
твоя улыбка, голос твой,
и над тобою – горы гордые,
письмена на скалах стёртые,
и моря Чёрного прибой...

Я посетил твою Болгарию,
чтобы ещё раз посетить...
Но – неизбежную аварию
не смог в пути предотвратить...

А всё же должен снова жить...

1.08.82.

* * *

Простых речей твоих мелодия,
и губ волнующий излом...
Страна Кирилла и Мефодия
в тебе, и вне тебя – во всём.

Я позабыл свои банальности -
какими многих восхищал.
Я не имел совсем нахальности –
но я тебя поцеловал.

Сопротивляться не пыталась ты,
но, замерев, молчала ты.
А после – слёзы, песни, шалости,
и в волосах твоих – цветы.

Куда ты шла? О чём ты думала?
Зачем шепнула: «Милый мой»?
И с рукава пушинку сдунула? –
Пушинка вьётся надо мной...

* * *

Скажи, кто выдумал разлуку?
Она пришла, - и я, скорбя,
смотрю в глаза твои, подруга, –
не наглядеться на тебя.

Скажи, кто создал расстоянья,
скажи, кто вычислил печаль?
Кто вместо слова «до свиданья»
придумал страшное – «прощай»?

Скажи, кто вымостил дорогу,
которая передо мной?
И кто нагнал на нас тревогу?
Скажи, кто этот гений злой?

Увы, ответить невозможно,
хотя ответ – на всё готов.
...Как обстоятельства ничтожны,
и как беспомощна любовь!

* * *

Я снова вспомнил о тебе,
моя Болгария. Я снова
под солнцем моего бывшего
иду по каменной тропе
К вершине Витоши...к себе.
И от себя – к простому слову,
и слово указать готово
дорогу к истинной судьбе.
И я судьбу свою связал
с тобой, Болгария родная.

И я себя в тебе узнал,
И я тебя в себе узнаю,
и я тебя не потеряю,
Пока себя не потерял.